

<https://doi.org/10.34883/PI.2023.14.3.012>

Сизова Н.С., Семенова Н.Д.

Московский научно-исследовательский институт психиатрии, филиал
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и
наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, Москва, Россия

Взаимосвязь личности и языка: концепция языковой личности в клинико-психологическом дискурсе

Конфликт интересов: не заявлен.

Вклад авторов: Сизова Н.С. – разработка идеи, обзор публикаций по теме статьи, написание рукописи; Семенова Н.Д. – разработка идеи, обсуждение результатов и формирование выводов. Все авторы внесли существенный вклад в проведение исследования и подготовку статьи, прочли и одобрили финальную версию до публикации.

Подана: 05.06.2023

Принята: 11.08.2023

Контакты: natalia@sizova.email

Резюме

В статье представлен обзор различных подходов к осмыслению понятия языковой личности в междисциплинарном дискурсе. Даны традиционные лингвистические определения понятия, а также описаны варианты применения термина в психологии и психиатрии. Описана модель языковой личности, и обсуждается возможность ее применения в диагностических целях в клинико-психологической практике. Обсуждается возможность применения психологических методик для выявления взаимосвязи личностных черт и речевых особенностей личности. В статье также рассматривается новый термин – «измененная языковая личность». Термин предлагается авторами для обозначения изменений, предстающих или проявляющихся в языковой личности на фоне психического заболевания. В статье постулируется значимость применения междисциплинарного взгляда на изучение психических заболеваний, в частности шизофрении, изменения личности при которой являются одним из ведущих симптомов проявления болезни.

Ключевые слова: языковая личность, речь, шизофрения, факторы личности, клиническая лингвистика, психолингвистика

Sizova N., Semenova N.

Moscow Research Institute of Psychiatry – a branch of V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia

The Relationship Between Personality and Language: the Concept of Linguistic Personality in Clinical and Psychological Discourse

Conflict of interest: nothing to declare.

Authors' contribution: Natalia S. Sizova – idea formulation, review of the article topic publications, manuscript writing; Natalia D. Semenova – idea formulation, discussion of the results and drawing conclusions. All authors contributed significantly to the research and preparation of the article, read and approved the final version before publication.

Submitted: 05.06.2023

Accepted: 11.08.2023

Contacts: natalia@sizova.email

Abstract

The article presents an overview of different approaches to the concept of linguistic personality in interdisciplinary discourse. Traditional linguistic definitions of the concept are given, and also variants of application of the term in psychology and psychiatry are described. The model of linguistic personality is described and the possibility of its application for diagnostic purposes in clinical and psychological practice is discussed. Possibility of application of psychological techniques for revealing of interrelation of personality traits and speech features of personality is discussed. The article also considers a new term – "altered linguistic personality". The term is offered by the authors to designate the changes which appear or appear in the language personality against the background of mental disease. The article postulates the importance of applying an interdisciplinary view to the study of mental illness, in particular schizophrenia, in which personality changes are one of the leading symptoms of the manifestation of the disease. **Keywords:** language personality, speech, schizophrenia, personality factors, clinical linguistics, psycholinguistics

■ ВВЕДЕНИЕ

Поворот лингвистической парадигмы в XX веке ознаменовал необходимость междисциплинарного изучения многих клинических или даже клинико-лингвистических феноменов [1–5]. На смену системно-структурному подходу, ставившему во главу угла слово и язык сам по себе, приходит антропоцентрическое направление, провозглашающее человека центром изучения, «мерой всех вещей» и прокладывающее новый путь к изучению человека через язык, который может быть назван кратчайшим: речь является наиболее наглядным и доступным материалом для анализа, которым располагает исследователь. В рамках такой парадигмы одним из центральных понятий можно считать понятие языковой личности (ЯЛ), несущее в себе некую синтезирующую функцию и подчеркивающее взаимосвязь языка и личности, а также междисциплинарность исследований о человеке вообще [8]. Целью написания данного обзора является рассмотрение понятия языковой личности не только и не

столько с лингвистического ракурса. В обзоре предпринимается попытка рассмотрения данного понятия как части психологического и психиатрического дискурса или клинико-лингвистического подхода к анализу состояний человека. Учитывая тот факт, что понятие языковой личности рассматривается почти исключительно в отечественной лингвистике [7–9], дополнения из области психологии и психиатрии, приведенные в обзоре, могут значительно расширить мультидисциплинарный взгляд на данный феномен для привлечения научного внимания международного профессионального сообщества лингвистов, психологов и психиатров.

■ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЛИНГВИСТИКЕ

Еще в 30-х гг. прошлого столетия в работах лингвистов Вайсбергера и Виноградова [6, 7] появляются упоминания языковой личности. Рассуждая о данном феномене, Виноградов В.В. ссылается на Ф. де Соссюра, пишущего, что «...социальное ищется в личностном через раскрытие всех структурных оболочек языковой личности» [цит. по: 7]. Рассуждения еще не носят характер дефиниций, осмысление понятия приходит лишь спустя десятилетия, когда феномен языковой личности становится полновесным термином. И в широкий оборот понятие вводится Карауловым Ю.Н., определяющим ЯЛ как «...совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [8]. В этой же работе автор дает и другое толкование: «Языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [8]. В энциклопедии «Русский язык» Карауловым были представлены и такие определения: «ЯЛ – 1) любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире; 2) наименование комплексного способа описания языковой способности индивида, соединяющее системное представление языка с функциональным анализом текстов».

В рамках психологических исследований интересным является и определение языковой личности Богина Г.И., которое было также одним из первых: «Языковая личность – человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки. Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [9].

Карауловым [8] выделялись три уровня ЯЛ, являющиеся своеобразным перераспределением всех языковых единиц:

- вербально-грамматический;
- когнитивный;
- прагматический.

К первому уровню относятся единицы и взаимосвязи между ними, используемые при описании лексического и грамматического уровней языка (слово, морфема, синтаксема, словосочетание, управление, etc.). К когнитивному уровню относятся единицы, образующие картину мира носителя, так называемые когнемы, и все единицы

языка, связанные с хранением знаний (например, фреймы, афоризмы, поговорки, метафоры, фразеологизмы, прецедентные тексты, etc.). Единицы прагматического уровня описывают интенции, цели, активную позицию человека в мире (оценочные и экспрессивные суждения, языковая игра, прецедентные тексты, точки зрения, интонации, стилизация, etc.). Единицы этого уровня сложно классифицировать, и они эксплицируются на уровне целого текста или в таких языковых единицах, как междометия, модальные частицы и т. п.

Как можно увидеть, ЯЛ затрагивает все языковые блоки. Выбирая уровень языка для изучения средств манифестации языковой личности, можно с уверенностью сказать, что личностное проявляется на любом из них: от фонетики до прагматики [10]. При этом, по мнению Караулова, идея ЯЛ разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека вне языка [8].

■ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

Языковая личность (ЯЛ) выступает и как предмет науки психолингвистики и рассматривается ею в индивидуально-психологическом аспекте. С точки зрения психолингвистики, языковая личность проявляется в «речевом поведении», включающем в себя и «помимовольные» коммуникативные действия, и реакции говорящего/пишущего. Несмотря на то, что изучение данного феномена предполагает рассмотрение каждого носителя языка как уникального объекта рассмотрения, несомненно, что в каждой языковой личности индивидуальное диалектически связано с коллективным, социальным [11].

В связи с этим встает вопрос о выделении оснований для классификаций, выделении типов различных языковых личностей и оформлении различных подходов для ее изучения. Попыток классифицировать это явление множество, но стоит отметить, что типологий, построенных на основе психологических или биологических особенностей, немного. Так, например, выделяют левополушарный/правополушарный тип ЯЛ, экстравертированный/интровертированный тип ЯЛ, доминантный/недоминантный, мобильный/ригидный типы [12]. Шаховский [13] пишет об эмоциональной ЯЛ, подчеркивая необходимость междисциплинарного подхода к рассмотрению данного явления.

■ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И ЛИЧНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДИК

В контексте ЯЛ крайне интересной представляется такая модель личности в психологии, как «Big five» («Большая пятерка»), ориентированная на так называемую лексическую гипотезу, которая в свою очередь опирается на то, что основные параметры личности закодированы в человеческом языке, причем наиболее значимые из них кодируются в виде отдельных слов. В ранних исследованиях на данную тему [14, 15] использовался поиск по словарям для выявления и классификации слов, описывающих личность. Набор выявленных лексем был сокращен благодаря использованию различных статистических методов, например, факторного анализа. Посредством факторного анализа в работах Goldberg [16, 17] было получено обоснование модели личности, основанное на пяти личностных факторах и получившее название «Большой пятерки». Те же пять факторов были неоднократно выявлены в исследованиях Costa и McCrae [18]. В целом лексические исследования, а также

исследования с использованием опросников, как правило, поддерживают идею о том, что личность может быть описана с помощью данной модели [18, 19]. Модель «Большой пятерки», опирающаяся на лексическую гипотезу, можно считать манифестом тесной связи языка и личности, который еще раз подчеркивает необходимость использования языковых маркеров при изучении личности.

В недавней работе Kučera [20], посвященной личностным маркерам в тексте и проведенной на польскоязычной выборке, указывается на установленные взаимосвязи между лингвистическими маркерами и шкалами «Большой пятерки». Найдена прямая корреляция со шкалой «сознательность» и количеством утвердительных предложений, предлогов и союзов и отрицательная корреляция между частотой употребления отрицаний и шкалой «согласие», а также отрицательная корреляция частоты употребления существительных и «нейротизма».

Несомненно то, что под влиянием болезни меняется речь (язык) и личность. В частности, при таких социально значимых заболеваниях, как депрессия, шизофрения, деменция и др., в рамках клинической картины или в ответ на симптоматику вместе с речью существенно изменяется реагирование личности и личность в целом [21–30]. Но открытым остается вопрос о взаимовлиянии речи и личности. Данная проблема представляется в виде причинно-следственной петли, своеобразного «порочного круга», где сложно однозначно выявить первичные и вторичные проявления. Ряд авторов [31–34] отмечает: язык играет решающую роль в том, как мы мыслим, что мы чувствуем, как мы воспринимаем самих себя и как мы представляем себе свою личность. Давно замечено, что каждый язык имеет свою характерную эмоциональную окраску, а многоязычные люди ведут себя и чувствуют себя по-разному, в зависимости от того, на каком языке они говорят, что показано в работах, изучающих речь билингов и мультилингов, страдающих психическими расстройствами [35–37]. Изучение языка в основе своей связано с усвоением культурных норм и ценностей, присущих носителям этого языка [37, 38]. Подобно тому, как человек надевает и носит социальные маски, человек также может принимать новые «я» через новые языки. Так, в исследовании Veltkamp et al. [33] с помощью личностного опросника (разработанного в рамках диспозициональной концепции Большой пятерки, NEO Personality Inventory (NEO PI)) было протестировано 68 мужчин в возрасте 20–38 лет, изучающих иностранный язык. Было проведено два теста: использовались немецкая и испанская версии опросника. Результаты продемонстрировали отличия в показателях в зависимости от используемого языка: при использовании испанской версии у испытуемых были выше показатели по шкалам «нейротизм» и «экстраверсия», а при использовании немецкой – по шкале «согласие». Авторы заключают, что помимо приобретения лингвистических навыков, изучение второго языка, по-видимому, предоставляет людям новый диапазон восприятия и проявления собственной личности, более того, оно может служить компенсаторным ресурсом для сохранения коммуникативной функции речи у билингвальной личности [35, 39]. Похожее исследование [40], проведенное на выборке польских учащихся-билингвов, показало взаимосвязь личностных характеристик, эмоционального интеллекта и феномена «ощущения себя другим» («notion of «feeling different» в ориг.) при использовании второго языка.

В контексте вышесказанного нельзя не упомянуть концепцию вторичной языковой личности в лингводидактике. Формирование вторичной языковой личности

становится задачей изучения иностранного языка, перевода его в статус «не чужого», что позволяет обучающемуся формировать картину мира новыми глазами [41].

■ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПСИХИАТРИИ

Уже из первых определений понятия мы видим, что в его содержание не только закладывалось то, как и о чем говорит человек, с помощью каких языковых средств выражается внутреннее содержимое личности, но и подчеркивалась ее интенциональность, направленность. Такие рассуждения крайне важны в контексте изучения ЯЛ людей с психическими заболеваниями. Особенно когда речь идет о расстройствах шизофренического спектра. Ведь именно при данных нозологиях принято рассуждать о снижении социальной направленности пациента, а некоторыми исследователями этот элемент выделяется как ведущий в патопсихологическом синдроме [42]. И совершенно очевидно, что данные изменения не обойдут стороной речь пациента. Более того, мы можем предположить, что именно в речи, столь чувствительной к любым психическим колебаниям, они будут проявляться наиболее ярко, и на глубоких, не явных ее уровнях, на уровнях, разворачивающихся автоматически без контроля сознания, эти изменения могут быть заметны и вне манифестации продуктивных симптомов заболевания. Толкования ЯЛ лингвистами также дает нам возможность предполагать, что существует возможность диагностики личностных характеристик в клинике при помощи анализа текстов пациентов (устных и письменных).

Исследования языковой личности в аспекте психопатологии немногочисленны, хотя психологи и психиатры уже предпринимали попытки провести параллель между языком и личностью [1, 24–26]. Такой попыткой можно назвать рассуждения суицидолога Эдвина Шнейдмана в работе «Душа самоубийцы» [43]; он опирается на гипотезу Сепира – Уорфа, связывающую особенность «картины мира» носителя языка с самим языком. Шнейдман пишет: «Я рассуждал следующим образом: если люди, относящиеся к различным языковым группам, думают (а следовательно, воспринимают мир) по-разному – индоевропейцы (англичане, французы, немцы, итальянцы), индейцы майя, хопи, эскимосы, китайцы и т. д. – то почему подобное нельзя сказать о людях, принадлежащих к одной и той же языковой группе? Никто не станет отрицать различий, например, между больными шизофренией (что бы ни означал этот термин) и психически здоровыми, между мистером Джонсом и мистером Смитом, между мной и вами? Действительно, почему бы не заняться этим вопросом?» Исходя из этой теоретической предпосылки, автор заключает, что возможно выделить основные личностные черты суицидентов, изучая их предсмертные записки.

В работах Шпильной [44, 45] выделяется особый тип ЯЛ – невербализуемая языковая личность, появляющаяся как результат вербальных галлюцинаций у пациента с шизофренией. Невербализуемая ЯЛ может вступать в коммуникацию с реальной языковой личностью, образуя таким образом «полифонию» психотического сознания. Подобное состояние Шпильная называет «измененным языковым сознанием». Исследование проведено на материале дневниковых записей пациентов (n=15) с диагнозом «шизофрения», в которых пациенты фиксировали высказывание своих вербальных галлюцинаций, а также по результатам бесед, целью которых было получение информации о том, как протекала симптоматика, к примеру, вступали ли пациенты в разговор со своими голосами, был ли голос мужским или женским, etc.

В работе Сизовой Н.С. [46] описана взаимосвязь количественных показателей текстов (а именно – индексов частей речи), написанных пациентами с шизофренией и расстройствами шизофренического спектра, и факторов «Большой пятерки», а также показателей уровня качества жизни пациентов. Установлена обратная корреляция частотности глаголов с такими факторами, как «экстраверсия» и «открытость опыту», и прямая – частотности прилагательных с фактором «открытость опыту». Аналогичная взаимосвязь выявлена с показателями уровня качества жизни. В работе отмечается важность использования анализа текста при диагностике психических расстройств, описываются возможные интерпретации лингвистических характеристик текстов как маркеров психического заболевания.

Всё вышесказанное позволяет сделать предположение о влиянии особенностей речи и языка при психической патологии на личность. Вслед за термином «измененное языковое сознание» мы считаем возможным введение термина «измененная языковая личность», языковые проявления которой являются коррелятами психологических черт личности, имеющей психопатологию. Поиск данных коррелятов представляется нам перспективным направлением исследований. Таким образом, измененной языковой личностью можно считать личность, выраженную в совокупности особенностей речи, проявившихся на фоне психопатологии.

Как можно видеть, понятие языковой личности, традиционно считавшееся исключительно лингвистическим, выходит далеко за пределы лингвистической парадигмы и становится уместным и в других контекстах. В частности, в психологии и психиатрии, изучение личности для которых является одним из важнейших направлений работы. Модель языковой личности, предложенная Карауловым, в данном случае может стать не просто теоретическим конструктом, но и диагностическим материалом. Дальнейшие разработки в данной сфере могли бы быть направлены на реструктуризацию языковой личности при различных типах психопатологии. Такой многоуровневый подход, в противовес выделению отдельных речевых маркеров, можно считать более оправданным и аналогичным определению иерархии при патопсихологическом синдроме (первичных, вторичных и третичных нарушений). Очевидно, что при любом расстройстве нарушается не один компонент речи или особенности проявляются не на одном из языковых уровней. Эти изменения носят комплексный характер. И выявление взаимосвязи данных изменений, выстраивание определенной структуры и соотношение ее с патопсихологическим синдромом и клиническими проявлениями болезни – задачи будущих исследований в данной области.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассуждения о существовании феномена измененной языковой личности имеют большое практическое значение. Несомненным остается факт, что речь изменяется под действием болезни. Традиционно изменения речи при психическом расстройстве принято рассматривать как нарушения. При некоторых заболеваниях, в частности при шизофрении, эти нарушения внесены как диагностические критерии в классификации заболеваний. При этом небезосновательным является предположение, что речевые особенности имеют все пациенты, даже когда эти особенности скрыты от клинициста. Если нарушения речи принято соотносить как с продуктивной, так и с негативной симптоматикой, то особенности речи на фоне расстройства целесообразно соотносить с изменениями личности в целом и ее специфическими

характеристиками, которые могут быть выявлены при психологической диагностике и при анализе произведенных личностью текстов. Такие особенности и их динамика могут служить для оценки эффективности психотерапии, предполагающей личностно-ориентированный подход. Подобные рассуждения дают возможность предположить, что анализ текстов пациентов и реструктурирование измененной языковой личности может пролить свет на новые аспекты изменения личности при заболеваниях, может применяться впоследствии как важный диагностический инструмент.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Разработка стационарных и динамических прогностических маркеров расстройств аффективного спектра и шизоаффективного расстройства на основе клинико-патогенетических, нейробиологических и психопатологических исследований». Регистрационный номер 121041300179-3.

■ ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Mikirtumov B., Makarov V. Component analysis of vocabulary in depersonalization. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii im. B.M. Bekhtereva*. 1996;2:198–200. (in Russian)
2. Belyanin V. *Introduction to psycholinguistics*. Moscow: ChRo; 2001. (in Russian)
3. Mikirtumov B. *Lexicon of psychopathology*. Saint Petersburg: Rech; 2004. (in Russian)
4. Pashkovskii V., Piotrovskaya V., Piotrovskii R. *Psychiatric Linguistics*. Moscow: Lenand; 2015. (in Russian)
5. Cherepanova I. Text as a basis of a psychotherapeutic method of verbal mythologizing of the personality. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty ritoriki, stilistiki i kul'tury rechi*. 1995;64–65. (in Russian)
6. Vaisgerber I. *Native language and spirit formation*. Moscow: Editorial URSS; 2004. (in Russian)
7. Vinogradov V. *Selected works: on the language of fiction prose*. Moscow: Nauka; 1980. (in Russian)
8. Karaulov Y. *Russian language and linguistic personality*. Moscow: Nauka; 1987. (in Russian)
9. Bogin G. *Modern Linguistic Didactics*. Kalinin; 1980. (in Russian)
10. Ermakova L., Sedykh A. Linguistic identity and its manifestations. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya*. 2010;18(89):81–87. (in Russian)
11. Gorelov I. *Basics of psycholinguistics*. Moscow: Labirint; 1998. (in Russian)
12. Zamilova A. A systemic typology of the linguistic personality (mental psychological aspect). *Vestnik KemGU*. 2012;3:194–7. (in Russian)
13. Shakhovskii V. National and socio-cultural aspects of the linguistic personality. *Obshchestvo, yazyk i lichnost': materialy Vseros. nauch. konf., Penza 23–26 okt. 1996 g.* 1996;1:29–30. (in Russian)
14. Allport G.W., Odbert H.S. Trait-names: A psycho-lexical study. *Psychological Monographs*. 1936;47(1):i–171. doi: 10.1037/h0093360
15. Thurstone L.L. The vectors of mind. *Psychological Review*. 1934;41(1):1–32. doi: 10.1037/h0075959
16. Goldberg L.R. An alternative «description of personality»: the Big-Five factor structure. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990;59(6):1216–1229. doi: 10.1037/0022-3514.59.6.1216
17. Goldberg L.R. Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons. *Review of Personality and Social Psychology*. 1981;2(1):141–165.
18. Costa P.T., McCrae R.R. Domains and facets: Hierarchical personality assessment using the Revised NEO Personality Inventory. *Journal of Personality Assessment*. 1995;64(1):21–50. doi: 10.1207/s15327752jpa6401_2
19. Markon K.E., Krueger R.F., Watson D. Delineating the structure of normal and abnormal personality: An integrative hierarchical approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005;88(1):139–157. doi: 10.1037/0022-3514.88.1.139
20. Kučera D. *Personality markers in text: Application of quantitative psychological-linguistic analysis of written text in personality description*. Ceske Budejovice: Jihočeská univerzita v Českých Budějovicích, Pedagogická fakulta; 2020. 213 p.
21. Bedi G., Carrillo F., Cecchi G.A. Automated analysis of free speech predicts psychosis onset in high-risk youths. *NPJ Schizophr*. 2015;1:15030. doi: 10.1038/npschz.2015.30
22. Pennebaker J.W., King L. Linguistic styles: language use as an individual difference. *J Pers Soc Psychol*. 1999;77:1296–1312. doi: 10.1037/0022-3514.77.6.1296
23. Chaika E.A. Linguist looks at «schizophrenic» language. *Brain Lang*. 1974;1:257–276.
24. DeLisi L.E. Speech disorder in schizophrenia: review of the literature and exploration of its relation to the uniquely human capacity for language. *Schizophr Bull*. 2001;27:481–496. doi: 10.1093/oxfordjournals.schbul.a006889
25. Oh T.M., McCarthy R.A., McKenna P.J. Is there a schizophasia? A study applying the single case approach to formal thought disorder in schizophrenia. *Neurocase*. 2002;8:233–244. doi: 10.1093/neucas/8.3.233
26. Hinzen W., Rosselló J. The linguistics of schizophrenia: thought disturbance as language pathology across positive symptoms. *Frontiers in psychology*. 2015;6:971. doi: 10.3389/fpsyg.2015.00971
27. Smirnova D., Sloeva E., Romanov D. Language patterns discriminate mild depression from normal sadness and euthymic state. *Frontiers in Psychiatry*. 2018;10(9):105. doi: 10.3389/fpsyg.2018.00105.
28. Smirnova D., Romanov D., Sloeva E. Language in mild depression: how it is spoken, what it is about, and why it is important to listen. *Psychiatria Danubina*. 2019;31(3):427–433.
29. Smirnova D., Clark M., Jablensky A. Action (verb) fluency deficits in schizophrenia spectrum disorders: linking language, cognition and interpersonal functioning. *Psychiatry Research*. 2017;257:203–211. doi: 10.1016/j.psychres.2017.07.044

30. Smirnova D., Smirnova T., Cumming P. *Language Impairments in Dementia: From Word-Finding Difficulties to Everyday Conversation in a Dementia-Friendly Community*. Shankardass M.K. edit. Dementia Care. Singapore: Springer, 2021. Available at: https://doi.org/10.1007/978-81-16-3864-0_6
31. Sapir E. Language and environment. *American Anthropologist*. 1912;14(2):226–242. doi: 10.1525/aa.1912.14.2.02a00020
32. Slobin D. From «thought and language» to «thinking for speaking». Gumperz J., Levinson S. (eds) *Rethinking Linguistic Relativity*. Cambridge University Press. 1996.
33. Veltkamp G.M., Recio G., Jacobs A.M. Is personality modulated by language? *International Journal of Bilingualism*. 2013;17:496–504. doi: doi.org/10.1177/1367006912438894
34. Whorf B.L., Carroll J.B., Chase S. *Language, thought, and reality*. Cambridge: Technology Press of Massachusetts Institute of Technology; 1956. 278 p.
35. Smirnova D., Walters J., Fine J. Second language as a compensatory resource for maintaining verbal fluency in bilingual immigrants with schizophrenia. *Neuropsychologia*. 2015;75:597–606. doi: 10.1016/j.neuropsychologia.2015.06.037
36. Smirnova D., Fichman S., Walters J. Schizophrenia and bilingualism. Schwieter J.W., Mueller R. (eds) *The Handbook of the Neuroscience of Multilingualism*. Canada: Wiley Blackwell; 2019.
37. Pavlenko A. Bilingual selves. *Bilingual education and bilingualism*. 2006;56:1–20.
38. Chen S.X., Benet-Martnez V., Harris Bond M. Bicultural identity, bilingualism, and psychological adjustment in multicultural societies: Immigration-based and globalization-based acculturation. *Journal of Personality*. 2008;76(4):803–838. doi: doi.org/10.1111/j.1467-6494.2008.00505.x
39. Albán-González G., Ortega-Campoverde T. Relationship between bilingualism and Alzheimer's. *Suma de Negocios*. 2014;5(SPE11):126–133. doi: 10.1016/s2215-910x(14)70027-8
40. Ożańska-Ponikwia K. What has personality and emotional intelligence to do with 'feeling different' while using a foreign language? *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2012;15(2):217–234. doi: 10.1080/13670050.2011.616185
41. Khaleeva I. *Basics of the theory of teaching to understand foreign speech (Translator's Trainer)*. Moscow: Vysshaya shkola; 1989. (in Russian)
42. Kritskaya V., Meleshko T. *The Pathopsychology of Schizophrenia*. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences; 2015. (in Russian)
43. Shneidman E. *The suicidal mind*. Moscow: Smysl; 2001. (in Russian)
44. Shpil'naya N. Nonverbal statements as a manifestation of the polyphony of language consciousness in psychosis. *Voprosy psiholingvistiki*. 2019;2:150–156. doi: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-150-156 (in Russian)
45. Shpil'naya N. Specific features of changed linguistic consciousness in mental disorders. *Filologiya i chelovek*. 2020;4:135–144. doi: 10.14258/filichel(2020)4-10 (in Russian)
46. Sizova N., Semenova N. Study of expressive speech in persons with schizophrenia and schizophrenia spectrum disorders. *Russian Journal of Psychiatry*. 2022;6:53–60. doi: 10.47877/1560-957X-2022-10607 (in Russian)